

седник с большими знаниями, воспитанный, обходительный, а между тем деятельно примкнул к освободительному движению»³¹⁴.

Никитин, напротив, был об Ольденбурге высокого мнения и ценил прежде всего его деловые и личные качества. Никитин не уставал «любоваться на его неустанную деловитость, а еще больше на — не знаю, как бы вернее сказать — на ангельскую чистоту и благодать его натуры. Вот человек, которому, кажется, никакого труда не стоит всегда держаться на высоте благородных помыслов и великодушных мечтаний и быть недоступным ничему злему и пошлomu», — говорил он³¹⁵. В 1908 г. Никитин дал о своем коллеге такой лестный отзыв: «В исполнении этой должности он проявил столько усердия, заботливости о пользе Академии, предприимчивости и разносторонней образованности, что может, я полагаю, по справедливости считаться одним из лучших непрременных секретарей, каких имела наша академия»³¹⁶. Не будет преувеличением сказать, что Ольденбургу Академия наук обязана своим существованием с октября 1917 до 1929 г.

1905 год в истории Императорской Академии наук

Начало бурного 1905 г. — эпоха первых уступок, которые власть делала нехотя, с трудом и усилием под влиянием тяжелых неудач русско-японской войны и вызванного этими неудачами общественного брожения, под впечатлением массовых народных выступлений в январе 1905 г. Не было речи о сознательной готовности к реформам, власть все еще старалась угадать точную меру того, чем она могла поступиться ради спасения «основных начал». Эта двойственность нашла отражение во всех важнейших актах того времени.

12 декабря 1904 г. вышел указ о «предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка». Пункт 8 указа — «устранить из ныне действующих о печати постановлений *излишние* стеснения и поставить печатное слово в точно определенные законом пределы»³¹⁷ — имел своим результатом учреждение Особого совещания для составления нового устава о печати³¹⁸. Высказанное в 1960-е гг. ошибочное мнение о том, что Академия наук не была привлечена к участию в работе Особого совещания,

---

³¹⁴ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 58. Л. 109 об. Запись 28.04.1907.

³¹⁵ ПФА РАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 312. л. 5–5 об. Письмо П. В. Никитина В. Р. Розену от 2.07.1904.

³¹⁶ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 30. Л. 47. 4.09.1908.

³¹⁷ ПСЗ. Собр. третье. Т. XXIV. № 25495.

³¹⁸ Лихманов А. В. «Комиссия Д. Ф. Кобеко» по составлению нового устава о печати (10 февраля — 18 декабря 1905 г.) // На подступах к спецхрану (Труды межрегиональной научно-практической конференции «Свобода научной информации и охрана государственной тайны: прошлое, настоящее, будущее», 24–26 сентября 1991 г., Санкт-Петербург). СПб., 1995. С. 11–17.

до сих пор кочует из издания в издание³¹⁹. На самом деле представители Академии наук участвовали в работе совещания. Председателем совещания был назначен директор Публичной библиотеки член-корреспондент Академии наук Д. Ф. Кобеко. Председатель Комитета министров С. Ю. Вите предполагал привлечь к участию в совещании академиков Ключевского, Лаппо-Данилевского и почетных академиков гр. Голенищева-Кутузова, Кони и Арсеньева. Константину Константиновичу не понравился выбор Лаппо-Данилевского, и он заменил его Никитиным; в состав совещания от Академии наук вошел также Сонин³²⁰.

Состав совещания был подобран по способу «нейтрализации» представителей одних политических направлений представителями как раз противоположных. Таким образом в состав совещания вошли по высочайшему назначению: почетный академик, сенатор А. Ф. Кони, сенатор А. Л. Боровиковский, сенатор В. К. Случевский, сенатор Н. А. Зверев, почетный академик гр. А. А. Голенищев-Кутузов, вице-президент Имп. Академии наук П. В. Никитин, ординарные академики Н. Я. Сонин и В. О. Ключевский, почетный академик К. К. Арсеньев, товарищ министра народного просвещения С. М. Лукьянов, член Совета министра народного просвещения кн. Д. П. Голицын; далее — в качестве представителей периодической печати — редактор-издатель «Гражданина» кн. В. П. Мещерский, редактор «Киевлянина» профессор Д. И. Пихно, редактор-издатель «Вестника Европы» М. М. Стасюлевич, издатель «Нового времени» А. С. Суворин, Г. М. Юзефович и кн. Д. Н. Церетелев. Из них Н. Я. Сонин, кн. Д. П. Голицын, Г. М. Юзефович и кн. Д. Н. Церетелев были включены в состав совещания уже после первого его заседания, — по-видимому, для усиления его «консервативного» элемента. В совещании принимали участие, в качестве представителей ведомств: от ведомства православного исповедания — преосвященный Антонин, епископ Нарвский и профессор С.-Петербургской духовной академии священник А. Д. Рождественский; от Министерства внутренних дел — член совета министерства кн. Н. В. Шаховской, от Министерства народного просвещения — редактор ЖМНП Э. Л. Радлов, от Министерства юстиции — член консультации В. Ф. Дерюжинский. По приглашению председателя совещания в число его членов вошел управляющий делами Комитета министров бар. Э. Ю. Нольде.

Основой действовавшего к моменту начала работы совещания законо-

---

³¹⁹ Колчинский Э. И., Кольцов А. В. Российская наука и революционные кризисы в начале XX века // Наука и кризисы. СПб., 2003. С. 299; Колчинский Э. И. В поисках новых форм организации российской науки // Академическая наука в Санкт-Петербурге в XVIII–XX веках: Исторические очерки / Отв. ред. акад. РАН Ж. И. Алферов. СПб., 2003. С. 344.

³²⁰ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 56. Л. 16 об. –17. Запись 16.01.1905 г.

дательства были цензурный устав 1828 г. и закон 6 апреля 1865 г., который отменил предварительную цензуру столичных периодических изданий и книг объемом не менее 10 п. л. на русском и 20 п. л. на иностранных языках. Последующее законодательство развивалось в обратном направлении и ограничило свободу печатного слова. Общий цензурный надзор в России осуществляло Главное управление по делам печати Министерства внутренних дел, которому подчинялись цензурные комитеты и отдельные цензоры в городах (в цензурных учреждениях страны служили 77 человек).

Первое заседание Особого совещания состоялось 10 февраля 1905 г. в Мариинском дворце. Заседания проходили келейно, без участия представителей прессы. Обсуждаемые вопросы ставились на голосование и решались простым большинством голосов³²¹. Задача совещания была сформулирована довольно робко: предоставить печати большие облегчения, сравнительно с теми, какие были дарованы в 1865 г.

Совещание единогласно приняло положение о *повсеместном* освобождении периодических изданий от предварительной цензуры и об исключительном судебном их преследовании в случае нарушения ими законов. Большие споры вызвал вопрос о сохранении или отмене концессионального порядка разрешения периодических изданий, по которому издатель и редактор утверждались министром внутренних дел. Кони и Ключевский горячо высказались за явочную систему³²². При голосовании явочный порядок был принят 15 голосами против 8 (Никитин голосовал вместе с большинством).

---

³²¹ Протоколы Особого совещания для составления нового устава о печати. СПб., 1913; Особое совещание для составления нового устава о печати (1905 г.). Материалы. Б/г. Ч. 1.

³²² С весьма курьезной аргументацией в пользу явочной системы выступил А. С. Суворин, заявив, что на Западе печать находится в руках еврейства, и что у нас со временем будет то же самое. «Это явление историческое. Первыми публицистами были еврейские пророки и все христианство до сих пор воспитывается на Библии; первые сведения и первые имена в школе библейские, и таким образом как бы самою судьбой предназначено и христианской печати быть воспитанною евреями и сделаться еврейской. Евреям же присуща и особенная способность к проповеди, к красоте выражений и оборотов, не говоря уже об интеллектуальных способностях и об юркости их характера. Так как капитал сосредоточился в руках еврейства, то и власть над печатью — рано или поздно — перейдет к нему же. У нас, при существовании концессионального способа, администрация не могла озаботиться, чтобы печать осталась русской. Может быть, явочный порядок лучше обеспечит самостоятельность и силу национальной русской печати. Русский человек по самому складу своему малоподвижен, ему трудно раскататься, еврей же с детства отличается своей подвижностью и предприимчивостью. Может быть, при явочном порядке борьба для русского человека облегчится и шансы уравниются. Я держусь убеждения, что до шестидесятых годов, когда мы об евреях в прессе и не слыхали, печать, даже в лице самых ее радикальных представителей, была гораздо порядочнее и приличнее, ее общий тон был выше и корректнее». Протоколы высочайше учрежденного под председательством действительного тайного советника Кобеко Особого совещания для составления нового устава о печати (10 февраля — 4 декабря 1905 г.) СПб., 1913. С. 32.

После того как этот вопрос был уже решен, представитель Министерства внутренних дел Шаховской заговорил о необходимости установления для редакторов нравственного и образовательного ценза. Никитин выступил по этому вопросу, доказывая невозможность сочетания явочного порядка основания изданий с концессионным порядком утверждения редакторов: «Никакая, самая оппозиционная пресса не может так вредить престижу власти, как сама власть, когда она тратит свои усилия, свое могущество на попытки достигнуть целей, заведомо неразрешимых. Такой задачей было бы управление прессой посредством сочетания явочного порядка основания изданий с концессионным порядком утверждения редакторов. Практика достаточно доказала неспособность концессионного порядка достигать тех целей, какие могли иметься в виду при его учреждении. Не лучше будут они достигаться и установлением какого-либо ценза для редакторов. Диплом не служит ни гарантией способности к редакторской работе, ни приметой определенного политического направления, ни ручательством нравственной безупречности, а распределение функций издателя и редактора постороннему контролю не поддается. Самая существенная доля редакторства всегда будет принадлежать или самому издателю, или тому из сотрудников, которого способности и направление издатель будет считать наиболее полезным для успеха своего издания, хотя бы этот сотрудник и не получил звания редактора. Белинский, Чернышевский и Добролюбов не были редакторами и, однако, определяли направление тех изданий, в которых работали. Ничего в этом отношении не изменилось бы, если бы установлена была обязательность соединения в одном лице званий редактора и издателя. Всегда оставалась бы в силе возможность, что издатели-редакторы вели бы издания на чужие деньги и в своей редакторской деятельности подчинялись бы условиям, поставленным теми, кому принадлежали бы капиталы»³²³. После продолжительных прений голосование дало такие результаты: 7 членов совещания высказались за то, чтобы редакторы утверждались каким-нибудь административным учреждением, а 13 членов — за явочный порядок, в том числе 5 членов с оговоркой о необходимости установления при этом для редакторов известного образовательного ценза.

Никитин принял участие в обсуждении вопроса о цензуре иностранных книг, потому что именно этот вопрос ближе всего затрагивал интересы Академии наук. Когда зашла речь о почтовой цензуре, Никитин напомнил о том, что она часто нарушала преимущества Академии наук, пользовавшейся правом получать заграничные издания без просмотра. Академия

---

³²³ Там же. С. 319–320.

почти ежегодно заявляла протесты против действий почтовой цензуры, доставлявшей в академическую библиотеку экземпляры заграничных изданий, замазанных краской и даже с вырезанными страницами³²⁴.

Министерство внутренних дел предполагало освободить от цензуры все научные издания на иностранных языках, оставив под действием иностранной цензуры издания беллетристические, популярно-научные, религиозного содержания, карикатурные, исторические сочинения, касающиеся событий в России за последнее столетие, рисунки. «Кого мы этим стеснением оберегаем? — с искренним недоумением спрашивал Никитин, — Непросвещенную массу народа? Но она книг на иностранных языках не читает. Гривузные романы будет покупать лишь тот, чье воображение уже достаточно и без того развращено. Если распространение преступных книг вообще может быть сокращено судом, то стоит ли из-за небольшой, и притом мнимой, опасности создавать громоздкий и сложный порядок просмотра заграничных изданий? Еще в 1864 г. барон М. А. Корф считал возможным упразднить иностранную цензуру. В материалах комиссии князя С. Н. Урусова, между прочим, приведены его слова. «Всякому известно, — заявляет барон Корф, — что при постоянном у нас существовании иностранной цензуры нет и не было запрещенной книги, которой бы нельзя было достать; что именно в то время, когда правительство всего строже преследовало известные лондонские издания, они расходились в России в тысячах экземплярах и их можно было найти едва ли не в каждом доме, чтобы не сказать в каждом кармане...»³²⁵ Было очевидно, что ради выделения нескольких рядов, подлежащих просмотру, все книги попадут к цензору, который, по словам Никитина, «всегда предпочтет, в случаях сколько-нибудь сомнительных, погрешить излишком осторожности, чем избытком доверчивости»³²⁶. Следовательно, цензурная процедура по-прежнему должна была замедлять доступ в Россию иностранных изданий. Неудобства цензурной проволоочки затрагивали в первую очередь интересы науки.

По вопросу о цензуре книг на иностранных языках 4 члена совещания высказались за уравнивание порядка цензурного рассмотрения иностранных книг с русскими; 7 членов совещания высказались за отмену предварительной цензуры всех иностранных книг, кроме книг беллетристических; 2 чле-

---

³²⁴ Там же. С. 430.

³²⁵ Там же. С. 447–448.

³²⁶ Там же. С. 457–462. Особое мнение вице-президента Императорской Академии наук П. В. Никитина по вопросу о цензуре для книг иностранных; ПФА РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 323. Л. 20. Черновик записки Никитина «Мое мнение по вопросу об иностранной цензуре». 1905.

на совещания (Никитин и Сонин) остались при особых мнениях, причем тайный советник Никитин полагал, что предварительная цензура для книг иностранных должна быть совершенно отменена. «Если другие страны не находят для себя опасным бесцензурный пропуск произведений иноземной печати, — аргументировал он свое мнение, — то почему он должен считаться опасным для государственного порядка страны с такой сильной и крепкой верховной властью, как Россия?»³²⁷

Когда рассматривались правила о цензуре духовной, Никитин не согласился с предложенным требованием, чтобы редакторами духовных православных периодических изданий могли быть только лица православного вероисповедания. «Странен был бы закон, предписывающий то, что и без него, само собой, в силу естественного порядка вещей, должно делаться, — заметил Никитин. — Кому же и отстаивать интересы православия, если не православным? Какие опасности желают предотвратить проектируемым постановлением! Опасаются, что нежелательные редакторы будут вредить православию, дискредитируя или извращая его учения, — но от таких опасностей подобные постановления не спасают. Возможно и часто бывает, что люди, называющиеся и совершенно искренно считающие себя православными, имеют очень смутные представления об отличиях своего вероисповедания. Если у редактора не будет ни знаний, ни ума, ни таланта, то своею неумелой защитой он будет ронять престиж православия, хотя бы ежегодно представляя удостоверение о своей принадлежности к православной Церкви»³²⁸.

Никитин привел в качестве примера журнал «Византийский временник», который выходил под эгидой Академии наук и был предназначен для разработки вопросов византийской культуры. Явлениями православной религиозной и культурной жизни журнал занимался не меньше, чем духовные журналы. Никитин напомнил собравшимся, что «теперь редактором журнала состоит лютеранин (В. Э. Регель); его вероисповедание не представляло пока никаких неудобств; журнал наполняется преимущественно статьями православных ученых, но вместе с ними мирно сотрудничают и католики и лютеране. Должно ли это измениться? Для какой цели?»³²⁹ Только 3 члена совещания высказались против установления вероисповедного ценза для редакторов повременных изданий духовного содержания, 9 — за установление такого ценза.

Когда работа совещания подходила к концу и проект нового цензурного

---

³²⁷ Там же. Л. 23.

³²⁸ Протоколы высочайше учрежденного под председательством действительного тайного советника Кобеко Особого совещания. С. 528–529.

³²⁹ Там же. С. 529–530.

устава был уже почти готов, вышел Манифест 17 октября, который дал полную свободу печати и свел на нет всю работу совещания. «Труды совещания канули в Лету, — так оценивал работу совещания В. Д. Набоков. — Отчасти это объясняется ходом дальнейшей истории. Но отчасти виновато в этом и само совещание. Невзирая на то, что в его составе были такие люди, как К. К. Арсеньев, А. Ф. Кони, М. М. Стасюлевич и др., несмотря на блеск и убедительность отдельных речей, яркость мыслей, несомненное желание принести посильную пользу, работы совещания все время страдали — не лицемерием, это несправедливое и незаслуженное обвинение, — а какой-то робкой двойственностью, боязнью шагнуть слишком далеко, а, главное, отсутствием ясной и точной программы и определенной цели»³³⁰.

В то время как Особое совещание готовилось приступить к рассмотрению общих вопросов о печати, Комитет министров пригласил Академию наук участвовать в просмотре книг, предназначенных цензурой к запрещению, мотивируя это необходимостью отделить научно ценные книги от «вредных» книг политического содержания. Мысль об участии Академии в цензурных делах была брошена в самой Академии в начале 1900-х гг. на заседаниях Разряда изящной словесности и ОРЯС. Почетные академики Соловьев и Арсеньев выступили тогда с записками о возможных со стороны Академии мерах к облегчению цензурных стеснений, но на это дело было наложено вето президента. В конце 1904 г., участвуя в заседаниях Комитета министров, президент некстати напомнил об этом, и благодаря этой обмолвке и появилось поручение Комитета министров³³¹.

Академия наук в двукратных постановлениях Общего собрания категорически отказалась от этих цензурных обязанностей³³² и заявила, что она «не согласится на роль эксперта в политическом суде над книгой и всегда, во всех без исключения случаях, будет отстаивать право книги на существование»³³³.

Академик Янжул в своей записке указал на то, что «Академия есть

---

³³⁰ Свобода печати при обновленном строе: Сборник статей. СПб., 1912. С. 41.

³³¹ В Журнале Комитета министров 28 и 31 декабря 1904 г. говорится: «Необходимо принять за правило, чтобы представляемые в Комитет министров для запрещения книги, политический вред коих признан МВД, препровождались для оценки их с научной стороны в подлежащие компетентные учреждения, каковым, по заявлению Августейшего Президента Академии наук, могло быть сие высшее учреждение».

³³² 7 мая 1905 г. Общее собрание поручило академикам Шахматову и Фортунатову составить проект отзыва на постановление Комитета министров. 11 мая 1905 г. этот проект обсуждался на экстраординарном Общем собрании: Протоколы заседаний ОС. № 7. 7 мая 1905. § 134; № 8. 11 мая 1905. § 158.

³³³ Там же. № 2. 5 февраля 1905. II-е Приложение: Записка академика Ф. Ф. Фортунатова.

учреждение чисто научное, предназначенное, по мысли законодателя, исключительно для споспешествования науки: никаких видов и соображений политики она не преследует, а потому новая цель, придаваемая ей постановлением Комитета министров, противоречит ее главной задаче и может даже ей нанести существенный ущерб. Академия прежде всего, в интересах науки, обязана содействовать ее движению вперед, а для этого безусловно необходима *свобода анализа*, что находится в прямом внутреннем противоречии с цензурой книги по каким бы то ни было политическим соображениям»³³⁴. В своем заключении правительству Академия наук подчеркивала, что «если бы ее (Академию наук) спросило учреждение, ведающее запрещением книг, о значении трудов современных Третьяковских и современных Радищевых, Академия наук горячо встала бы на защиту Радищевых... В силу основных статей своего устава, Академия наук, как высшее ученое учреждение, находится в таких отношениях к науке и литературе, что в делах о запрещении книг она может выступать только постоянной их защитницей»³³⁵. Комитет министров после вторичного отказа оставил Академию наук в покое, а закон — без исполнения.

В начале 1905 г. Комитет министров пригласил Академию наук в качестве эксперта принять участие в обсуждении вопроса об отмене ограничений издания книг на малороссийском наречии. Цензурные стеснения украинского печатного слова начались в 1863 г. и коснулись в первую очередь издания Священного писания³³⁶. Академия наук стала тогда невольной виновницей цензурных ограничений издания книг на украинском языке. Первой жертвой гонения на украинскую литературу оказался Ф. С. Морачевский, инспектор лицея кн. Безбородко в Нежине, благонамереннейший патриот и благочестивый переводчик Четвероевангелия. В 1862 г. Морачевский представил свой перевод на суд Отделения русского языка и словесности ИАН³³⁷. Отзыв о переводе Морачевского был дан тогда академиками А. В. Никитенко, А. Х. Востоковым и И. И. Срезневским и указывал на выдающиеся достоинства перевода³³⁸. ОРЯС просило президента Академии гр. Д. Н. Блудова ходатайствовать перед Св. Синдом о разрешении напечатать перевод Морачевского.

---

³³⁴ Там же. I-е Приложение: Записка академика И. И. Янжула.

³³⁵ Там же. Экстраординарное собрание 11 мая 1905. Приложение.

³³⁶ Историю вопроса см.: *Миллер А. И.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.) СПб., 2000.

³³⁷ ПФА РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 338. Л. 4–4 об. Письмо Ф. С. Морачевского во Второе Отделение ИАН от 4 ноября 1862 г.

³³⁸ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 26. Л. 40 об.

Политическая обстановка не благоприятствовала в то время положительному решению этого вопроса. Реформы 1860-х гг. вызвали брожение умов, и в Киеве образовалась партия так называемых украинофилов, стремление которой заключалось в пропаганде идеи о самобытности малорусской национальности. Особое значение украинофильсы придавали изданию книг Священного писания на украинском языке, которое должно было, по их мнению, ознаменовывать начало литературного обособления Малороссии от остальной России. Именно потому, что перевод Св. Писания на малороссийский язык стал бы сильным орудием украинофилов, он был признан вредным. Более того, Св. Синод в 1863 г. распорядился вообще приостановить разрешение печатания религиозных изданий на малороссийском языке, а правительственные распоряжения 1876 и 1881 гг. окончательно запретили печатать по-малорусски что бы то ни было, кроме беллетристики, исторических документов и словарей. Эти постановления в свое время не были опубликованы и не вошли в Свод законов, так как они имели цель воспрепятствовать развитию украинофильского движения, направленного к литературному и политическому обособлению Малороссии от России.

В 1900 г. Академия наук получила этот перевод в виде дара от внука переводчика, В. В. Морачевского с непременным условием напечатать этот труд³³⁹. По отзыву академиков, «вследствие соединения превосходного знания языка с тонким чутьем в передаче самых возвышенных религиозных понятий труд Морачевского представляет собою прекрасный памятник малорусского наречия»³⁴⁰.

В мае 1904 г. Константин Константинович по поручению ОРЯС ходатайствовал о напечатании перевода Морачевского. Министр внутренних дел В. К. Плеве (убитый эсером Е. С. Сазоновым 15 июля 1904 г.) и пришедший ему на смену П. Д. Святополк-Мирский признали, что этот вопрос утратил прежнюю политическую остроту и его можно рассматривать только с точки зрения религиозной и филологической. 15 февраля 1905 г. Комитет министров принял постановление об отмене ограничительных мер по изданию Св. Писания на малороссийском языке³⁴¹.

---

³³⁹ Там же. Ф. 9. Оп. 1. Д. 753. Л. 2–2 об. По изданию Евангелия на украинском языке.

³⁴⁰ Там же. Л. 7–7 об.

³⁴¹ Профессор арабской словесности и истории мусульманства Лазаревского института восточных языков и малорусский писатель А. Е. Крымский по возвращении из Малороссии направил Константину Константиновичу 26 февраля 1905 г. письмо о том впечатлении, которое произвел на Украине его поступок: «...не могу Вам описать того согласного благоговения, с каким всюду произносится Ваше имя. В истории малорусской литературы и просвещения народных масс Ваше бессмертное имя навеки будет сиять лучезарной звездой».

Выполняя поручение Комитета министров, Академия наук обсудила вопрос об отмене ограничений издания всех книг на украинском языке и создала специальную комиссию. 18 февраля 1905 г. экстренное Общее собрание обсудило доклад комиссии «Об отмене стеснений малорусского печатного слова», написанный Шахматовым³⁴², и на его основе приняло постановление о необходимости отмены всех стеснений, исходя из того, что «малорусское население должно иметь такое же право, как и великорусское, говорить публично и печатать на родном своем языке»³⁴³. Доклад и постановление Общего собрания были направлены в Министерство народного просвещения, но там не был дан ход этим документам. Правая печать не раз нападала на Академию наук за этот доклад, особенно после того как в трудах по славяноведению, издаваемых Отделением русского языка, авторам, принадлежащим к разным славянским народностям, было разрешено пользоваться своим родным языком, в том числе и украинским³⁴⁴.

Поручение Комитета министров побудило Академию высказать свое мнение о свободе печати вообще. Академики Лаппо-Данилевский и Шахматов составили обширную записку «О свободе печати»³⁴⁵. В ней показано, каким образом цензура сдерживала развитие просвещения и культуры в России. «Наша печать нуждается не в облегчениях, — писали авторы доклада, — она нуждается в точном определении своих прав и своих отношений к закону. Это может быть достигнуто только коренным пересмотром всего цензурного устава, а прежде всего признанием главного, неотъемлемого права печати — права на свободу»³⁴⁶. Общее собрание

дою; равно как тот восторженный эпитет „Равноапостольный Князь“, который одновременно был дан Вам в разных концах Украины за Ваше стремление распространить Евангелие среди малорусского простого народа на доступном для него языке, — этот эпитет несомненно тоже сохранится за Вами навеки и перейдет в потомство»: Там же. Л. 52.

³⁴² Протоколы заседаний ОС. № 3. 18 февраля 1905. Приложение: Доклад комиссии по вопросу об отмене стеснений малорусского печатного слова. С. 22.

³⁴³ Там же. § 73.

³⁴⁴ Согласно постановлению ОРЯС, приведенному в предисловии к 1 выпуску «Статей по славяноведению», статьи в сборнике принимались на одном из славянских или романских или германских языков. В сборнике были опубликованы на украинском языке статьи М. С. Грушевского и И. Я. Франко. В 1914 г. в периодической печати появились статьи с обвинениями Шахматова и Корша в том, что они приняли участие в основанном Грушевским в Киеве журнале «Украина». В том же году критике было подвергнуто решение об избрании в академики профессора Киевского университета св. Владимира, историка древнерусской литературы В. Н. Перетца.

³⁴⁵ Протоколы заседаний ОС. № 4. 24 марта 1905. I-е Приложение: Доклад комиссии по вопросу о свободе печати в России. С. 1–32.

³⁴⁶ Там же. С. 13.

предложило радикальные меры: освободить печать от системы произвола и излишних стеснений — устранить предварительную цензуру, прекратить действия иностранной и почтовой цензуры и т. д.³⁴⁷ Свое заключение Академия направила в Особое совещание. Оказалось, что некоторые пожелания Академии наук к этому времени уже были положены Совещанием в основу нового устава³⁴⁸, в целом же заключение Академии больше соответствовало будущим постановлениям 24 ноября 1905 г. и 26 апреля 1906 г., которые отменяли предварительную цензуру печати. Принятые в течение 1905 г. решения Академии наук выражали ее принципиальную и очень достойную позицию по вопросам печати, хотя они и не сыграли сколько-нибудь существенной роли в решении этой наболевшей проблемы, как, впрочем, и правительственное Особое совещание, в работе которого принимали участие представители Академии.

* * *

Правительство обратилось за содействием к Академии наук по вопросам цензуры именно в то время, когда усилилось движение либеральных сил, вылившееся в настоящий «бунт просветительных обществ» и съездов организаций интеллигенции. Одним из крупных очагов общественного движения был, как всегда, Петербургский университет. В начале 1905 г. в университете проходили студенческие каникулы, и учебные занятия должны были возобновиться 15 января, но, опасаясь студенческих выступлений после 9 января, начальство отсрочило начало семестра до 7 февраля. В первый же день занятий в университете состоялась «мерзостная», по выражению министра народного просвещения В. Г. Глазова, студенческая сходка, участники которой выдвинули политические требования и призывали прекратить учебу. Под звуки революционных песен был разорван царский портрет³⁴⁹. Совет университета принял решение «не возобновлять обычных занятий в текущем полугодии вовсе, предоставив студенчеству время для восстановления необходимого психического равновесия». По распоряжению Николая II все студенты университета были исключены с

---

³⁴⁷ Там же. С. II. Заключение Императорской Академии наук по вопросу о свободе печати в России.

³⁴⁸ Протоколы высочайше учрежденного под председательством действительного тайного советника Кобеко Особого совещания. С. 285.

³⁴⁹ *Павлецкая Н. И.* Петербургский университет в революции 1905–1907 гг. // Вестник Ленинградского университета. 1948. № 11. С. 143; *Сладкевич Н. Г.* Петербургский университет в 1905 г. // Там же. 1955. № 3. С. 25; *Яковлев В. П.* Петербургский университет в революции 1905–190 гг. // Там же. 1980. № 2. Вып. 2. С. 19–25.

правом ходатайства об обратном приеме. События в Петербургском университете оказали большое влияние и на другие учебные заведения города.

Общественное брожение и усиление студенческих забастовок заставили заговорить о том, что только реформа государственного строя и освобождение общества от произвола бюрократической опеки могут вернуть высшим учебным заведениям необходимое для них спокойствие. Профессор Московского университета В. И. Вернадский в статье «О профессорском союзе» («Наши дни», 20 декабря 1904 г.) выдвинул идею создания всероссийского объединения профессоров и преподавателей высших учебных заведений.

Этот призыв встретил особенно благоприятную почву в Петербурге, где это объединение было создано под названием «Академического союза»³⁵⁰. В кружке 30 профессоров разных учебных заведений была составлена записка «Нужды просвещения», где заявлялось, что «народное просвещение в России находится в самом тяжелом положении, совсем не отвечающем насущным потребностям нашей родины, ни ее достоинству», что «правительственная политика в области просвещения народа, внушенная преимущественно соображениями полицейского характера, является тормозом в его развитии, она задерживает его духовный рост и ведет государство к упадку», а «академическая свобода несовместима с современным государственным строем России». В качестве политических требований записка выставляла: «установление незыблемых начал законности и неразрывно с ними связанного начал начала политической свободы, воплощенного в привлечении свободно-избранных представителей народа к осуществлению законодательной власти и контроля над действиями администрации».

Этот документ собирались провести в качестве резолюции на банкете профессоров, приуроченном к 150-летию юбилею Московского университета, 12 января 1905 г. Но банкет не состоялся: за двое суток до него произошло «кровавое воскресенье». Записку-декларацию союза «Нужды просвещения», решили использовать в качестве объединительной платформы и опубликовать. Свои подписи дали и некоторые члены Академии.

Слухи о готовящейся акции дошли до президента Академии наук и вызвали его серьезное беспокойство. Константин Константинович пытал-

---

³⁵⁰ Подробнее см.: *Иванов А. Е.* Первая русская революция и профессура высших учебных заведений. Всероссийский Академический союз: идеология, политическая деятельность // Вопросы социально-экономического развития и революционного движения в России. М., 1977. С. 102–126; *Колчинский Э. И., Кольцов А. В.* Российская наука и революционные кризисы в начале XX века. С. 301–302; *Колчинский Э. И.* В поисках новых форм организации российской науки. С. 344–345.

ся убедить академиков снять свои подписи, однако никто на это не согласился. Свои неудачные переговоры с академиками президент описал в дневнике: «Пригласил к себе академиков Веселовского и Шахматова и вот почему. С. Ф. Платонов передавал Павлу Егоровичу (Кеппен. — Е. Б.), что среди профессоров возникла мысль учредить союз учащихся; предполагался банкет, раздавалась записка с приглашением участвовать в союзе, который имеет целью создать влияние профессоров и вообще учащихся на учащихся. Не подлежит никакому сомнению, что к союзу примкнули неблагонадежные и будет постановлено выразить правительству что-нибудь вполне неприемлемое. Академики Фаминцын, Веселовский и Шахматов дали свои подписи. Шахматов заявил мне, что, сочувствуя намерениям, выраженным в записке, он не согласен с изложением, а потому еще не подписался, хотя ему трудно было не последовать примеру товарищей по Академии. Веселовский дал свою подпись. Я старался убедить его, что теперь, когда правительство впервые имеет в виду обращаться к содействию Академии, не следует академику компрометировать ее; Шахматов меня поддерживал. Мы условились, что они повидаются с Фаминцыным и другими академиками, подписавшимися под запиской, и будут убеждать их вычеркнуть подписи, имея в виду важность работы, предстоящей Академии. Но вот только что получил я от Шахматова письмо: его старания успеха не имели — никто из академиков не согласился вычеркнуть своей подписи; и Шахматов, сознавая, какая туча висит над Академией, сам подписался под запиской, не желая отставать от товарищей в трудное время и сознавая, что отсутствие его имени под запиской не отстранит от Академии беды»³⁵¹.

«Записка о нуждах просвещения в России» была опубликована 20 января 1905 г. в газете «Наша жизнь», а 27 января она была перепечатана в газете «Русь»³⁵². Этот документ был подписан 342 учеными и поэтому получил широкую известность под названием «Записка 342-х ученых»³⁵³. «Записку» подписали 16 членов Академии: Бейльштейн, Бекетов, Бородин, Веселовский, Залеман, Зеленский, Лаппо-Данилевский, Ляпунов, Марков, Овсянников, Ольденбург, Радлов, Фаминцын, Чернышев, Шахматов, Ян-

---

³⁵¹ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 56. Л. 11 об. —12. Запись 14.01.1905.

³⁵² Подробнее см.: *Князев Г. А.* Порицание академикам за участие в «Записке 342 ученых» // Вестник Академии наук СССР. 1931. № 4. С. 14–22; *Предтеченский А. В., Кольцов А. В.* Из истории Академии наук в период революции 1905–1907 годов // Там же. 1955. № 3. С. 82–85.

³⁵³ После опубликования записки к ней присоединялись новые подписи и скоро их число достигло полутора тысяч.

жул. Впоследствии к «Записке» присоединил свою подпись и академик Ключевский³⁵⁴.

17 академиков, подписавших «Записку», составляли около половины действительных членов Академии наук. Константин Константинович был возмущен появлением подписей академиков под этим документом, который он назвал в своем дневнике «глупой и противозаконной запиской»³⁵⁵. Президент был настолько раздосадован, что не присутствовал на заседаниях 4 и 5 февраля, на которых проходили выборы П. И. Вейнберга в почетные академики и Лаппо-Данилевского в ординарные академики: «И Вейнберг, и Лаппо-Данилевский, оба подписали записку 342-х ученых, и я не хочу участвовать в избрании, которого они, по-моему, не достойны»³⁵⁶.

Президент составил ответ «провинившимся» академиком, который он хотел опубликовать в газете от имени президента Императорской Академии наук и прочитать в Общем собрании, но Никитин убедил его этого не делать³⁵⁷. Президент напомнил академиком об их служебном долге и сделал намек на неудобство получения жалования при данных обстоятельствах. Свой ответ он переслал академиком в виде циркулярного письма. Марков назвал циркуляр прокламацией, потому что в нем не было именного обращения, и показывал его своим коллегам в университете. Бородин, получив письмо президента, сразу же подал прошение об отставке. Президент безо всякой резолюции направил его непременно секретарю Ольденбургу и по поводу этой отставки имел с ним объяснение³⁵⁸.

Впечатления Константина Константиновича от этой беседы сохранились в его дневнике: «По поводу отставки Бородина был у меня неприменный секретарь Ольденбург, с которым у меня произошел пренеприятный разговор. Он, как мне показалось, пытался застрашать меня тем, что и все остальные академики, получившие мой циркуляр, подадут в отставку и что к ним, пожалуй, присоединятся и те академики, которые не подписывали записки 342 ученых. Я возражал, что не могу и не желаю изменить своего

---

³⁵⁴ «Записка 342-х ученых» выражала мнение только части (хотя и значительной) педагогического состава вузов. Д. И. Менделеев, Л. Н. Толстой не соглашались с высказанными в ней мыслями. А. С. Будилович полемизировал с авторами «Записки» на страницах периодической печати и объединил свои статьи в сборник: *Будилович А. С. Наука и политика. Три статьи по злободневным вопросам.* СПб., 1905.

³⁵⁵ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 56. Л. 38 об. Запись 30.01.1905.

³⁵⁶ Там же. Л. 40 об. Запись 4.02.1905.

³⁵⁷ Там же. Л. 42.

³⁵⁸ ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1905. Д. 38. Л. 3–5: *Ольденбург С. Ф. Беседа Президента с неприменным секретарем 22.02.1905.*

взгляда, даже если все академики подадут в отставку. Разошлись мы с Ольденбургом очень холодно и сухо»³⁵⁹.

«Пренебрежительный» разговор с Ольденбургом и нависшая угроза потери крупнейших научных сил поколебали уверенность президента в своей правоте и заставили его смягчить свою жесткую позицию. К этому его склоняли и ответные письма академиков, обиженных президентским циркуляром с тяжкими обвинениями. В своих письмах академики старались доказать, что, подписывая «Записку 342-х», они исполняли долг гражданина. Президент, встретив дружный отпор со стороны академиков, отступил и 5 марта 1905 г. выступил перед началом заседания Общего собрания с примирительной речью, текст которой составил П. Е. Кеппен³⁶⁰. Слова президента произвели на академиков хорошее впечатление; они все встали и поклонились³⁶¹. Непременный секретарь прочитал прошение академика Бородина об отставке; Карпинский от имени Конференции просил Бородина взять его назад, и он согласился. Инцидент был исчерпан.

Вице-президент не участвовал в этом конфликте, но известно его мнение по этому вопросу: он полагал, что демонстрацию «342-х» нельзя было ставить в упрек Академии, потому что «Академия как Академия, не может иметь политических мнений, но их могут иметь ее члены, не как академики, а как граждане»³⁶².

В феврале рост общественного движения интеллигенции достиг апогея.

---

³⁵⁹ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 56. Л. 59–об. Запись 22.02.1905.

³⁶⁰ Там же. Л. 154. Рукопись. Наверху карандашная пометка: Составлено П. Е. Кеппеным. Читано мною перед началом заседания Общего собрания Академии 5 марта 1905. Речь Константина Константиновича не вошла в протоколы заседаний Общего собрания. Есть ее машинописный экземпляр: ПФА РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 290. Л. 1: «Прошу вас, господа, забыть на время, что мы сошлись в академическое собрание, и выслушать несколько слов, с которыми обращаюсь к гг. академикам, получившим мое циркулярное письмо. Вы, господа, ответили мне письмами, где подтверждаете вашу формальную и нравственную правоту в подписании известного заявления 342-х. Искренне верю, что все вы следовали велениям долга и совести; но прошу и вас верить, что я тоже по чувству долга и искреннего убеждения написал свою отповедь. Вы высказываете уверенность, что заявление, к которому присоединили ваши подписи, не усилило волнений молодежи, а некоторые из вас думают, что оно даже ослабило их напряжение; я же остаюсь при глубоком убеждении, что заявление это было не полезно и в высшей степени несвоевременно. Немало лет уже я имею честь состоять Президентом первенствующего ученого сословия, к которому вы принадлежите; я знаю вас, вы меня знаете: мне было бы прискорбно, если бы в моем письме вы прочли что-либо исключаящее мое личное уважение к каждому из вас. А теперь, господа, откроем наше собрание и в исполнение устава и дорогих преданий Академии не будем отвлекаемы политическим разномыслием от ученых занятий».

³⁶¹ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 56. Л. 68. Запись 5.03.1905.

³⁶² ПФА РАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 29. Л. 73 об. Письмо П. В. Никитина Константину Константиновичу от 2.11.1907.

Один за другим проходили съезды групп и корпораций интеллигенции и возникали новые профессиональные союзы, инженеров и техников, врачей, писателей, адвокатов, агрономов, учителей, которые вскоре объединились в «Союз союзов». В него вошел и Академический союз, насчитывавший к тому времени свыше 1500 членов и отделения во всех университетских городах.

Собравшийся в конце марта I съезд Академического союза постановил прекратить чтение лекций вплоть до установления автономии высших учебных заведений в виде самоуправления академических советов и выборности ректоров. Под давлением событий в стране, во время работы II съезда Академического союза 27 августа (8 сентября) 1905 г. был издан указ о подготовке к пересмотру устава 1884 г. Указ содержал временные правила об управлении университетами и высшими учебными заведениями, которые восстанавливали автономию университетов, предоставляя советам университетов право избирать ректора, а факультетам — декана. Заботы о поддержании правильного хода учебной жизни в университете возлагались на совет университета. Проведенные в университетах выборы администрации принесли полную победу представителям Академического союза. Первым выборным ректором Петербургского университета стал известный физик профессор И. И. Боргман, а первым выборным деканом по историко-филологическому факультету — проф. Ф. А. Браун; первым выборным ректором Московского университета стал кн. С. Н. Трубецкой³⁶³. Трубецкой был ректором всего 27 дней, он умер 29 сентября (11 октября). Академики признали желательным возложить на его гроб венок от Академии с надписью (по предложению Никитина): «Ректору Императорского Московского университета князю С. Н. Трубецкому от членов Императорской Академии наук»³⁶⁴. В Академии наук вопрос об

---

³⁶³ Впоследствии деятельность Союза постепенно сошла на нет, и только в 1917 г. была сделана попытка его воскрешения. От Академического союза 1905 г. осталось несколько печатных документов и некоторый архив. Н. И. Кареев вспоминал: «...одним из результатов Академического союза было более резкое, чем то было раньше, разделение профессуры на правую и левую. В самой левой части профессуры обнаружился некоторый антагонизм между старшими и младшими преподавателями, т. е. между профессорами, с одной стороны, и приват-доцентами, ассистентами, лаборантами — с другой... которые требовали чрезмерного понижения ценза для права занимать профессорские кафедры. Помню, как один молодой химик-лаборант доказывал, что профессору достаточно знать подробный учебник своего предмета. Когда Меншуткин, сам видный химик, при этом заявлении демонстративно расхохотался, оратор поправился, что называется, из кулька в рогожу. „Я, — заявил он, — не говорю, чтобы профессор полагался на свою память и не заглядывал в учебник перед чтением лекции“»: *Кареев Н. И.* Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 232–233.

³⁶⁴ Никитин докладывал Константину Константиновичу: «Некоторые академики заявили мне, что желательно было бы возложить венок от Академии на гробе кн. С. Н. Трубецкого.

автономии в это время даже не поднимался: это может объясняться тем, что академики в целом были довольны своим начальством (вел. кн. Константином Константиновичем, Никитиным и Ольденбургом) и не стремились к переменам.

В стране тем временем нарастало революционное движение, с которым правительство было не в силах справиться и только усиливало репрессии. Русские войска терпели поражение в войне с Японией. 14–15 мая русская эскадра была наголову разгромлена в Цусимском сражении; 23 августа Россия признала свое поражение подписанием Портсмутского мирного договора, по которому она потеряла Порт-Артур и южную часть о. Сахалин. 6 августа 1905 г. вышел манифест о выборах в Государственную Думу, которая получила название по имени автора проекта, министра внутренних дел А. Г. Булыгина — Булыгинской думы. Булыгинская дума так и не была созвана, ее смела Октябрьская всероссийская политическая стачка 1905 г., вынудившая Николая II издать «Манифест 17 октября 1905 г.» с обещанием гражданских свобод, признания за Думой законодательного права.

Политическая активность Академии наук в это время пошла на спад. Некоторых академиков, в том числе Ольденбурга, охватило настроение усталости и разочарования³⁶⁵. Ольденбург, выступая на годовом собрании

Я не мог не признать, что члены академической корпорации имеют основание желать почтить почившего как выдающегося ученого, как замечательного профессора и как ректора, с большим достоинством пытавшегося образумить университетскую молодежь. Но в виду той роли, которую он играл как общественный деятель, мне, — может быть, совершенно ошибочно — показалось, что лучше будет, если Ваше Высочество не будете поставлены в необходимость так или иначе решать этот вопрос, т. е. ответственность за решение приму на себя, хотя бы и самоуправно, я. Поэтому, а также потому, что Трубецкой не имел официального отношения к Академии, я убедил коллег, что, если следует возлагать венок, то не от Академии, а от членов Академии. На этом условии я взял на себя опросить циркулярно всех находящихся в Петербурге академиков. Из 21-го опрошенного 18 дали ответ утвердительный. Один отрицательный, выразивший, впрочем уважение к покойному, мотивирован отсутствием отношений между ним и Академией (Я. Н. Сонина — Е. Б.); другой отрицательный ничем не мотивирован (А. И. Соболевского — Е. Б.). Одного из академиков мой посланный тщетно пытался застать на квартире. Мое мнение было, что возложение венка от членов Академии могло бы состояться только при полном их согласии. Но желание коллег, составляющих большинство, было так настойчиво, что в конце концов я представил им распорядиться заказом и возложением венка с надписью: «Ректору Императорского Московского университета князю С. Н. Трубецкому от членов Императорской Академии наук»: ПФА РАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 27 Л. 67–67 об. Письмо от 2.10.1905; Ф. 36. Оп. 1. Д. 281. Л. 48–48 об.

³⁶⁵ Летом 1905 г. Ольденбург, замещавший в Академии президента и вице-президента, писал из Петербурга Шахматову о том удручающем впечатлении, которое производили на него события в стране: «Думаю, что теперь полезно быть занятым как можно больше и не иметь времени на размышления — очень уж скверно то, что видишь и слышишь, а сделать — что можешь сделать? Для этого сперва надо было бы оставить Академию, потому что пока в ней находишься не удобно, а, во-вторых, просто времени нет. Но — уйти, нет

с отчетом за 1905 г., объяснял, оправдывая пассивность Академии: «На первый взгляд может казаться, — говорил он, — что Академия недостаточно ярко и сильно откликнулась на запросы обновлявшейся родины, но такое заключение не будет справедливым, ибо Академия наук, как учреждение чисто научное, всегда только до известной степени может непосредственно отзываться на явления текущей жизни. Между наукой и жизнью всегда будет известная грань, преступить которую без ущерба для себя не могут ни жизнь, ни наука»³⁶⁶.

После издания «Манифеста 17 октября» в Академии начался процесс размежевания групп по политическим партиям. Основную группу составляли кадеты: Ольденбург, Лаппо-Данилевский, Шахматов, Фаминцын, Веселовский, Бородин. Эта группа пополнялась вновь избранными академиками и до 1914 г. играла в Академии ведущую роль, определяя ее общественное лицо; Академию поэтому иногда называли «кадетским корпусом». Несколько человек, Никитин, Розен, Залеман, вступили в «Союз 17 октября». В отличие от членов кадетской партии октябристы были сдержанны в выражении своих политических пристрастий в стенах Академии и избегали политически окрашенных выступлений. Часть научного персонала учреждений составляла народническую группу, в том числе Л. Я. Штернберг и Д. А. Клеменц. Четкой правительственной ориентации придерживались академики, занимавшие высокие государственные посты: Сонин, Латышев, Голицын, Соболевский. Марков причислял себя к левым³⁶⁷. Остальная часть академиков держала себя нейтрально, относясь сочувственно к общественному движению.

*Выборы выборщиков в Государственный совет
в 1906 и 1907 гг.*

Манифест 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка» принес важные демократические перемены. Законодательная власть распределилась между монархом, Думой и преобразованным Государственным советом. Прежде Госсовет был чисто совещательным

уверенности, что там (это туманное „там“) что-то сделаешь действительно годное. Был у меня Александр Николаевич (Веселовский. — Е. Б.) — тоскует, говорит: «Кончаю Петрарку, а на что нам теперь Петрарка?» <...> По всей Академии идет ремонт и приходится нет-нет, да и заглянуть, впечатление тяжелое: небрежность, лень, недобросовестность — не мудрено, что японцы нас бьют и бьют... Грустно, безвыходно грустно»: ПФА РАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1088. Л. 11–12 об. Письмо С. Ф. Ольденбурга А. А. Шахматову от 16.07.1905.

³⁶⁶ Отчет о деятельности Императорской Академии наук по Физико-математическому и Историко-филологическому отделениям. СПб., 1905. С. 5.

³⁶⁷ ПФА РАН. Ф. 702. Оп. 1а. Д. 10. Л. 19 об.